

УДК 81.255.2

МОДЕРНИЗАЦИЯ: ПЕРЕВОД ИЛИ ПЕРЕДЕЛКА?

Максимова М. В.

Глазовский государственный педагогический институт

г. Глазов, Россия

marimax78@yandex.ru

Статья посвящена проблеме модернизации в переводе и допустимой степени вмешательства переводчика в текст оригинала. На примере анализа перевода «Алисы в Стране Чудес» Л. Кэрролла в исполнении А. Кононенко автор доказывает, что вмешательство в лингвокультурную составляющую исходного текста может привести к плачевным, а иногда и курьезным последствиям.

Ключевые слова: модернизация в переводе, Кэрролл, переводческие трансформации.

Статтю присвячено проблемі модернізації в перекладі та допустимого ступеня втручання перекладача в текст оригіналу. На прикладі аналізу перекладу «Аліси в Країні Чудес» Л. Керролла у виконанні А. Кононенка автор доводить, що втручання в лінгвокультурну складову вихідного тексту може привести до плачевних, а іноді й курйозним наслідків.

Ключові слова: модернізація в перекладі, Керролл, перекладацькі трансформації.

The article is devoted to the problem of modernization in translation. Through the example of the translation of Carroll's "Alice in Wonderland" made by A. Kononenko the author proves that interference in the linguistic-cultural constituent of the original may lead to deplorable if not curious effect.

Keywords: modernization in translation, Carroll, translation transformations.

Труд переводчика, как и работу писателя и художника, можно назвать творчеством. По определению Ю.П. Солодуба, перевод – «это творческая интеллектуальная деятельность, заключающаяся в передаче некоторой информации с языка-источника на язык перевода» [6, с. 7].

Какова же допустимая мера «самостоятельного» творчества в переводческом процессе? Исследователь У. Уиллс отмечает, что способность к творческому переосмыслению текста является обязательным требованием к хорошему переводчику [7]. Перевод никогда не появляется «ex nihilo», он всегда основан на оригинале. Результатом творческого подхода к использованию единиц переводящего языка становится текст перевода, отвечающий принципу динамической эквивалентности [5, с. 195].

И все же, необходимо помнить, что существует допустимая степень вмешательства переводчика. Зачастую переводчик позволяет себе изменять стиль или регистр речи, вносить в текст вносятся поправки с учетом современной действительности, изменять денотативную или коннотативную

составляющую исходного текста и т.п. [5, с. 196]. Вместе с тем, творчество переводчика заключается не в переделывании, а в передаче содержания оригинала. Причем не только денотативного компонента, но и всех возможных коннотаций. Только в этом случае перевод можно признать эквивалентным.

Одним из случаев вмешательства переводчика в текстуру подлинника является модернизация. Характер и степень модернизации может быть различным и зависит от интенции переводчика. Это может быть перенос действия в более позднюю эпоху или другую страну, изменение имен героев, использование лексических единиц, характерных для более позднего или раннего периодов. Как правило, степень эквивалентности модернизированного текста и текста оригинала невысока, вследствие чего результат такой деятельности переводом в прямом смысле этого слова считаться не может.

Правилами, регламентирующими степень воздействия переводчика на текст, оговаривается недопустимость замены предмета высказывания, ситуации, событий, лиц и т.п. «даже в целях приспособления к лингвокультурным навыкам рецептора» [2]. А так ли уж необходимо полностью приспособляться к лингвокультурным навыкам читателя? Видится, что более разумно будет на его кругозор и стремление к новым знаниям.

Чем же можно объяснить существование достаточно большого количества модернизированных переводов? «Всеядностью» современного читателя? Тем, что «вечные» сюжеты по-прежнему востребованы в обществе?

Несмотря на наличие достаточно большого числа качественных и добросовестных модернизированных переводов, мы обратимся к анализу перевода, в котором, на наш взгляд, допустимая степень вмешательства переводчика в текст оригинала превышена. Это перевод «Алисы в стране чудес», выполненный Андреем Кононенко.

Необходимо отметить, что сказка Л. Кэрролла переводилась неоднократно. Впервые русскоязычный читатель познакомился с ней в виде пересказа под названием «Соня в царстве дива». Перевод был выполнен по принципу русификации – зарубежные факты и реалии заменили российскими: вместо Вильгельма Завоевателя – Наполеон, вместо Безумного шляпника – Илюшка-лжец, безумное чаепитие стало «шальной беседой» и оказалось действительно бессмысленным. Критики и читатели восприняли издание отрицательно [1].

Сложность текста, полного английских острот, каламбуров филологических тонкостей и фольклора, не отпугнула переводчиков, и впоследствии в свет вышло еще несколько интерпретаций «Алисы». Наиболее известны переводы, выполненные В. Набоковым, Б. Заходером и Н.

Демуровой (последний признан каноническим текстом сказки Кэрролла на русском языке).

Как отмечалось выше, особенности текста оригинала предопределяют необходимость прагматической адаптации. Однако анализ перевода, выполненного А. Кононенко, заставляет задуматься об обоснованности модернизации текста в его изложении.

Так в главе «DOWN THE RABBIT-HOLE» вместо «stories about children who had got... eaten by wild beasts» [3, p. 42] читаем «Алиса в свое время достаточно наслушалась чудесеньких поучительных рассказиков о детишках, которые попадали в лапы Бармалея, Бабы Яги и прочей нечисти» [4]. Замена абстрактных безымянных чудовищ «beasts» на русских сказочных героев, возможно, и приближает контекст к русскоязычной действительности, но совершенно точно лишает его аутентичности и этноспецифичности.

Вообще, текст перевода полон неадекватных, на наш взгляд, замен. Сравнение «shutting like a telescope» [3, p. 43], вполне понятное любому, А. Кононов переводит «я, похоже, сжимаюсь, как гармошка», что придает сказке чисто русский колорит.

Эта замена телескопа на гармошку встречается и в главе «THE POOL OF TEARS». Далее автор перевода целенаправленно изменяет реалии и имена собственные, перенося действие сказки в Россию: «London is the capital of Paris» [3, p. 49] – «Москва – столица Лондона»; «Ada» [3, p. 48] – «Аня» и т.п.

Сказки Л. Кэрролла являются прекрасной иллюстрацией викторианских традиций и ценностей. Алиса, несомненно, принадлежала к состоятельной прослойке английского общества. Об этом говорят и те предметы, которые изучала она и ее брат: французский язык и латынь преподавались в частных школах. В переводе же А. Кононенко этот момент совершенно нивелирован: «her brother's Latin grammar» [3, p. 52] – заменяется на учебник русского языка, который у нас изучается повсеместно.

Диалог Алисы с мышью в оригинале еще более символичен. Всем известны «особые» отношения англичан к французам. Поэтому первой мыслью девочки является «Perhaps it doesn't understand English... I daresay it's a French Mouse, come over with William the Conqueror» [3, p. 52]. Для консервативного «островного» англичанина самый вероятный чужестранец – это француз. "Может она по-русски не понимает?" – подумала Алиса. – "Тогда, скорее всего, она англичанка, наверное приплыла вместе с Колумбом." Аллюзия на англо-французские отношения лежит в основе введения экзотизма «Où est ma chatte?» [3, p. 53]. Все прозрачно: Англия – Франция, Мышь – Кошка. В переводе же этот подтекст теряется. Возможно, это облегчает понимание сказки маленькими читателями. Однако не стоит забывать, что «Алиса» – произведение многослойное, и подобная адаптация в значительной мере обедняет его.

В тексте перевода можно найти еще множество примеров замен, которые, несомненно, делают произведение «понятнее» для русскоязычного читателя: это и замена Колумба на Менделеева, Мэри Энн на Асю и др. Особо хотелось бы отметить превращение садовника по имени «Pat» [3, p. 72] в «гастарбайтера» Ли Пака. На наш взгляд, подобная модернизация выглядит несколько цинично, особенно если учесть, что неграмотность английского рабочего подменяется в переводе имитацией «сюсюканья»: «Sure then I'm here! Digging for apples, yer honour!» [3, p. 72] – «Конечно тут! Яблоки выкапываю, хосяин!» [4].

Анализ этих и других примеров позволяет сделать вывод, что переводчик, руководствуясь своими соображениями, искажил культурный контекст произведения, стилизовал его и, тем самым, лишил перевод того самого оттенка «Englishness», который придает сказкам Кэрролла неповторимый колорит.

Таким образом, становится очевидным тот факт, что работа переводчика требует не просто знания языков и культур, но и подразумевает наличие творческого и, можно сказать, изобретательского потенциала. Именно эта индивидуальность, относительная свобода выбора средств и, конечно, эстетическая ценность текстов перевода позволяет с уверенностью назвать перевод творчеством [5, с. 198].

Литература

1. Как Алису учили говорить по-русски. Обзор переводов сказки [Электронный ресурс] URL [http://www.lewis-carroll.ru/alisa-v-strane-chudes/russkie-perevody.html]. (Дата обращения 12.05.2015)
2. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС. – 2002. – 424 с. [Электронный ресурс] URL [http://ru.scribd.com/doc/2002] (Дата обращения 12.05.2015)
3. Кэрролл, Л. «Приключения Алисы в Стране Чудес» (на английском языке). Издание третье. – М.: Изд-во «Прогресс», 1979. – 236 с.
4. Кэрролл, Л. Алиса в стране чудес (в пер. А. Кононенко) [Электронный ресурс] URL http://absurdly.narod.ru/Wonderland_kononenko.html (Дата обращения 12.05.2015)
5. Максимова М. В. Творческая составляющая в работе переводчика / М.В. Максимова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: сб. науч. трудов. Вып. 15. – Тверь: ТГУ, 2012. – С. 195-198. – ISBN 978-5-7609-0735-6.
6. Солодуб Ю. П. Теория и практика художественного перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / Ю.П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт, А.Ю. Кузнецов. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 304 с.
7. Wills W. Knowledge and Skills in Translation Behaviour. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1996. – 231 p.